

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 332

21 декабря 2023 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Г-ш. от 02 июня 2023 года (вх. № ... от 14 сентября 2023 года) в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 08 ноября 2023 года вынесла заключение:

1) о неисполнении, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат обязан соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции; адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением совета Федеральной палаты адвокатов и принимаемыми в соответствии с ним решениями советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции), адвокатом С. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г-ш., выразившемся в осуществлении защиты Г-ш. 18 января 2022 года в ходе следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве следственной группы Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве (составление протокола задержания подозреваемого ГЛ. от 18 января 2022 года, допрос Г-ш. в качестве подозреваемого 18 января 2022 года, предъявление Г-ш. обвинения 18 января 2022 года, допрос Г-ш. в качестве обвиняемого 18 января 2022 года), в условиях вступления в

указанное уголовное дело в обход положений ч. 4 ст. 50 УПК РФ, обязывающих следователя принимать меры по назначению защитника исключительно в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов, в нарушение установленного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года (протокол № 4), и в нарушение п. 3 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 года № 176;

2) о нарушении адвокатом С. положений пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами), выразившемся в привлечении Г-ш. в качестве доверителя 18 января 2022 года и навязывании ему своей юридической помощи в уголовном судопроизводстве по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве следственной группы Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве, через использование своих личных связей с работниками Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве;

3) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве ... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства ..., следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с Разъяснениями № 9 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 24 сентября 2015 года «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению», принятыми на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы 24 сентября 2015 года и п. 4, 8, 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, исполнении

адвокатом С. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г-ш., выразившемся в принятии им в период времени с 21.07 час. по 23.30 час. 18 января 2022 года, в условиях нарушения права Г-ш. на свободный выбор защитника (до истечения 24-часового срока с момента фактического задержания Г-ш., а также без исполнения требований ст. 172 УПК РФ) и в целях оказания органу предварительного следствия содействия в получении первичных показаний Г-ш. по обстоятельствам совершения им инкриминируемых деяний, участия в качестве защитника по назначению по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве следственной группы Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве, в проведении следующих следственных и иных процессуальных действий: допрос Г-ш. в качестве подозреваемого 18 января 2022 года, предъявление Г-ш. обвинения 18 января 2022 года, допрос Г-ш. в качестве обвиняемого 18 января 2022 года;

4) о неисполнении, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве ... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства ..., следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с п. 8, 9, 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, адвокатом С. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г-ш., выразившемся в том, что вступив в качестве защитника Г-ш. в уголовное дело № ..., находящееся в производстве следственной группы Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве, он:

- не принял мер к защите прав Г-ш. в связи с внесением в протокол допроса подозреваемого Г-ш. от 18 января 2022 года заявления Г-ш. о том, что свои показания он дает недобровольно (разъяснение доверителю Г-ш. предусмотренного п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ права отказаться от дачи показаний, уточнение его волеизъявления на дачу показаний, согласование с ним вопроса о необходимости и целесообразности внесения в протокол допроса подозреваемого Г-ш. от 18 января 2022 года письменных замечаний по поводу правильности и полноты записи о том, что Г-ш. дает свои показания недобровольно);

- не отреагировал на заявление Г-ш. о его несогласии с задержанием, занесенное в протокол задержания подозреваемого Г-ш. от 18 января 2022 года (не сделал каких-либо письменных заявлений при составлении

протокола задержания подозреваемого Г-ш. от 18 января 2022 года, не помог Г-ш. облечь его возражения против задержания в форму мотивированных заявления, жалобы или ходатайства, с тем, чтобы они могли быть надлежащим образом рассмотрены и оценены при производстве по уголовному делу, а также не обжаловал задержание Г-ш. в установленном законом порядке);

5) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката С. по жалобе Г-ш. от 02 июня 2023 года (вх. № ... от 14.09.2023), вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в части доводов Г-ш. о содействии адвоката С. предполагаемым противоправным действиям следователей Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве, направленным на незаконное привлечение Г-ш. к уголовной ответственности;

б) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката С. по жалобе Г-ш. от 02 июня 2023 года (вх. № ... от 14.09.2023), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель Г-ш. и его представитель – адвокат К., надлежащим образом извещенные о заседании Совета, в заседание не явились. От представителя заявителя – адвоката К. поступило письменное заявление о получении заключения Квалификационной комиссии и согласии с ним (вх. № ... от 14 декабря 2023 года), содержащее также просьбу о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие и о прекращении статуса адвоката С.

Адвокат С., надлежащим образом извещенный о заседании Совета и своевременно получивший заключение Квалификационной комиссии, в заседание не явился, посредством электронной почты в день заседания Совета заявил ходатайство об отложении разбирательства со ссылкой на нахождение в больнице (вх. № ... от 21 декабря 2023 года). К ходатайству приложена копия справки от 20 декабря 2023 года № ... из ГКБ имени В. Департамента здравоохранения города Москвы, согласно которой С. находится на излечении в эндокринологическом отделении с 20 декабря 2023 года по настоящее время. Сведений о невозможности участвовать в заседании Совета в режиме видео-конференц-связи ни в ходатайстве адвоката С., ни в справке не содержится. В этой связи адвокату С. было направлено повторное уведомление с предложением принять участие в заседании Совета в указанном режиме с использованием имеющегося у него мобильного телефона. В ответ адвокат С. уведомил о невозможности такого участия со ссылкой на то, что он находится в стационаре «на капельнице». Вместе с тем, Совет отмечает, что все эти же обстоятельства не препятствовали адвокату С. в это же время вести переписку с Адвокатской палатой города Москвы, в том числе составить рукописное ходатайство об

отложении дисциплинарного разбирательства, сфотографировать его и отправить посредством электронной почты.

Ранее, 20 декабря 2023 года, от адвоката С. поступило письменное заявление (вх. № ... от 20.12.2023), в котором он выражает частичное несогласие с заключением Квалификационной комиссии и указывает, что в защиту Г-ш. вступил по просьбе последнего, случайно оказавшись в помещении следственного органа. Принятие заявки по назначению он «сымитировал» в связи с уговорами Г-ш. Все доводы Г-ш. об оказанном на него воздействии выдуманы и являются способом защиты. О недобровольности своих показаний Г-ш. тоже не заявлял, а запись об этом в протоколе допроса появилась в результате технической ошибки следователя. Полагает, что презумпция его добросовестности как адвоката не опровергнута. В сговор с работниками правоохранительных органов для фиксации признательных показаний Г-ш. он не вступал, в данном следственном отделе появляется редко. Выражает несогласие с рассмотрением дисциплинарного производства Квалификационной комиссией в его отсутствие, поскольку он болел. Он понимает, что допустил нарушение норм адвокатской этики, и это признает, однако указанное нарушение не носило длительный характер. Просит учесть, что ранее он к дисциплинарной ответственности не привлекался, страдает хроническим заболеванием. С учетом указанных обстоятельств адвокат С. просит не принимать к нему меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Учитывая описанные обстоятельства и руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившихся участников, не усмотрев оснований для отложения разбирательства по ходатайству адвоката С. Принимая такое решение, Совет учитывает надлежащее и неоднократное уведомление адвоката С. о дате и времени заседания, наличие у него возможности участия в нем с использованием видео-конференц-связи, которой он не воспользовался. Кроме того, Совет учитывает, что адвокат С. в письменном виде подробно выразил свое отношение к заключению Квалификационной комиссии.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

18 января 2022 года с 17 часов 46 минут до 18 часов 23 минут Г-ш. в отсутствие защитника был опрошен в порядке ст. 144 УПК РФ старшим оперуполномоченным ... Отдела МВД России по Г. району города Москвы А. по обстоятельствам возможного совершения противоправных действий в отношении своей падчерицы с оформлением письменного объяснения. В тот же день в 20 часов 00 минут постановлением старшего следователя Г. МРСО

СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве Н. в отношении Г-ш. возбуждено уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132, п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ.

При этом Г-ш. подал следователю письменное заявление, в котором, в том числе просил о предоставлении ему защитника в порядке ст. 50, 51 УПК РФ, а также сообщил, что защитников по соглашению не имеет.

18 января 2022 года следователем Н. вынесено постановление о назначении адвоката С. в качестве защитника Г-ш. В п. 2 резолютивной части данного постановления указано: «Копию постановления направить в адвокатский кабинет С. для обеспечения явки защитника 18 января 2022 года в Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве для участия в уголовном деле № ... и осуществления защиты подозреваемого Г-ш.».

18 января 2022 года адвокатом С., осуществляющим адвокатскую деятельность в адвокатском кабинете, был оформлен ордер от 18 января 2022 года № ... о принятии поручения на осуществление защиты Г-ш. [*Здесь и далее выделено Советом – Примечание*] на стадии предварительного расследования. В строке «основание выдачи ордера» указано: «ст. 51 УПК РФ», над строкой «основание выдачи ордера» имеется приписка: «АИС № ...». При этом адвокат С. не принимал посредством АИС АПМ каких-либо заявок об осуществлении защиты Г-ш., а равно и Г-ш., в то время как указанная в ордере заявка № ... была в действительности сформирована в АИС АПМ 18 января 2022 года в 12 часов 09 минут другим инициатором по другому уголовному делу на защиту другого лица. Уведомление о формировании указанной заявки в автоматическом режиме было направлено по электронной почте адвокату С., который указанную заявку проигнорировал.

18 января 2022 года с 21 часа 07 минут до 21 часа 30 минут Г-ш. был допрошен следователем следственной группы Ч. в качестве подозреваемого с участием защитника – адвоката С. Согласно протоколу допроса подозреваемого, на вопрос следователя: «В ходе настоящего допроса показания даете добровольно?» подозреваемый Г-ш. ответил: «Нет». В протоколе допроса также указано, что от подозреваемого Г-ш. и его защитника – адвоката С. заявления и замечания не поступили.

18 января 2022 года Г-ш. подал следователю письменное заявление, в котором указал, что «не возражает против проведения следственных действий в ночное время». Данное заявление рассмотрено следователем как ходатайство, которое удовлетворено. В 22 часа 50 минут следователем следственной группы Ч. с участием защитника – адвоката С. был составлен протокол задержания подозреваемого Г-ш. в соответствии со ст. 91, 92 УПК, временем задержания указано 22 часа 45 минут 18 января 2022 года. По поводу своего задержания Г-ш. заявил: «основания задержания мне понятны и ясны, с задержанием я не согласен», от телефонного звонка отказался. Каких-либо замечаний или заявлений защитника Г-ш. – адвоката С. в протоколе задержания подозреваемого не отражено.

18 января 2022 года следователем Н. вынесено постановление о привлечении Г-ш. в качестве обвиняемого от 18 января 2022 года и составлено уведомление о дне предъявления обвинения, в котором указано, что в этот же день Г-ш. будет предъявлено обвинение, и последний уведомлен, что для участия в предъявлении обвинения он вправе пригласить защитника самостоятельно либо ходатайствовать об обеспечении участия защитника следователем в порядке, предусмотренном ст. 50 УПК РФ. Подписи Г-ш. и его защитника – адвоката С., подтверждающие вручение им указанного уведомления или ознакомление с ним, на уведомлении отсутствуют.

18 января 2022 года в 23 часа 05 минут следователь следственной группы Ч. с участием защитника – адвоката С. предъявил Г-ш. обвинение в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132, п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ, и с 23 часов 10 минут до 23 часов 30 минут Г-ш. с участием защитника – адвоката С. был допрошен в качестве обвиняемого. В протоколе допроса обвиняемого, в числе прочего, отражены заявления Г-ш. о том, что он желает, чтобы его защиту осуществлял адвокат С., защитников по соглашению не имеет, в содеянном раскаивается и вину признает полностью. От обвиняемого Г-ш. и его защитника – адвоката С. заявления, а также замечания о дополнении и уточнении протокола допроса не поступили.

19 января 2022 года следователем Н. в АИС АПМ сформирована заявка № ... для осуществления защиты Г-ш. в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, при рассмотрении Г. районным судом города Москвы ходатайства следователя об избрании в отношении Г-ш. меры пресечения в виде заключения под стражу. Указанная заявка 20 января 2022 года в 06 часов 10 минут была принята адвокатом Н., который в уголовное дело в качестве защитника Г-ш. не вступал.

20 января 2022 года постановлением Г. районного суда города Москвы в отношении Г-ш. избрана мера пресечения в виде заключения под сражу. Защиту Г-ше. при рассмотрении вопроса о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу осуществлял защитник по соглашению – адвокат М.

С 07 февраля 2022 года защиту Г-ш. на стадии предварительного расследования осуществляет защитник по соглашению – адвокат К.

19 мая 2022 года Г-ш. заявил следователю ходатайство о признании недопустимыми доказательствами и исключении из числа доказательств протоколов его допросов в качестве подозреваемого и обвиняемого от 18 января 2022 года со ссылкой на то, что отраженные в них показания даны им под физическим и психологическим принуждением оперативных сотрудников полиции, которые осуществляли его задержание и в дальнейшем участвовали в следственных действиях. 17 августа 2022 года аналогичное ходатайство заявила защитник Г-ш. – адвокат К.

08 августа 2023 года следователем Го. вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в котором, в том числе, указано со ссылкой на объяснения следователя Ч., что Г-ш. в присутствии адвоката был

допрошен в качестве подозреваемого, а затем и в качестве обвиняемого, допрос обвиняемого фиксировался на видеозапись, и в ходе него последний никаких замечаний не сделал. Психологическое и физическое давление на Г-ш. с целью признания им своей вины ни Ч., ни иными сотрудниками правоохранительных органов не оказывалось.

17 августа 2023 года Г. районным судом города Москвы в отношении Г-ш. вынесен обвинительный приговор, на который 28 августа 2023 года принесены апелляционные жалобы, а 29 августа 2023 года – апелляционное представление, которые до настоящего времени не рассмотрены.

Заявитель Г-ш. в своей жалобе выдвигает против адвоката С. следующие дисциплинарные обвинения:

во вступлении в уголовное дело № ... в качестве защитника Г-ш. по назначению следователя в обход положений ч. 4 ст. 50 УПК РФ, обязывающих следователя принимать меры по назначению защитника исключительно в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации;

в использовании связей с работниками правоохранительных органов при вступлении в уголовное дело в качестве защитника Г-ш.;

в нарушении права Г-ш. на свободный выбор защитника, выразившемся:

- в участии 18 января 2022 года в следственных и иных процессуальных действиях в качестве защитника Г-ш. до истечения 24 часов с момента задержания подозреваемого Г-ш.;

- в непринятии мер в связи с предъявлением Г-ш. обвинения без разъяснения ему процессуальных прав и без извещения о дне предъявления обвинения;

в неоказании Г-ше. квалифицированной юридической помощи, выразившемся:

- в нереагировании на отраженное в протоколе допроса Г-ш. в качестве подозреваемого от 18 января 2022 года заявление Г-ш. о том, что он показания дает недобровольно, а также в неразъяснении Г-ш. его права отказаться от дачи показаний;

- в нереагировании на отраженное в протоколе задержания подозреваемого Г-ш. от 18 января 2022 года заявление Г-ш. о том, что он с задержанием не согласен;

- в нереагировании на применение к Г-ш. физического и психологического насилия «со стороны оперативных сотрудников»;

- в том, что адвокат С. «не проконсультировал Г-ш. и не согласовал с ним позицию по делу»;

- в непринятии мер к удалению присутствовавших в ходе допросов Г-ш. в качестве подозреваемого и обвиняемого 18 января 2022 года оперативных сотрудников полиции, которые ранее угрожали Г-ш. и оказывали на него психологическое воздействие, а также в нереагировании на неотражение следователем в протоколах указанных следственных действий присутствия этих лиц;

- в непринятии мер в связи с переносом показаний Г-ш. из протокола его допроса в качестве подозреваемого в протокол его допроса в качестве обвиняемого с применением технических средств и без фактического допроса Г-ш. в качестве обвиняемого;

- в непринятии мер в связи с предъявлением Г-ш. обвинения и его допросом в качестве обвиняемого в ночное время;

в ограничении возможности реализации Г-ш. предусмотренного ч. 1 ст. 96 УПК РФ права задержанного подозреваемого в кратчайший срок, но не позднее 3 часов с момента его доставления к следователю совершить один телефонный разговор на русском языке в присутствии следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения;

в навязывании Г-ш. неправового содействия в «решении вопроса» о помещении Г-ш. в «нормальные условия в следственном изоляторе, без оказания давления» и чтобы «с ним ничего не случилось» за вознаграждение в размере 120 000 рублей, а затем в обращении к родственникам Г-ш. с требованием оплатить ему «для начала 600 000 рублей» за защиту Г-ш.;

в самоустранении от оказания Г-ш. юридической помощи после 18 января 2022 года.

Кроме того, в жалобе заявителя Г-ш. содержатся доводы о содействии адвоката С. предполагаемым противоправным действиям следователей Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве, направленным на незаконное привлечение Г-ш. к уголовной ответственности.

От представителя заявителя Г-ш. – адвоката К. поступило дополнение к жалобе Г-ш., в котором в отношении адвоката С. выдвинуты дополнительные дисциплинарные обвинения в недопустимых высказываниях в адрес бывшего доверителя в письменных объяснениях в рамках дисциплинарного производства и игнорировании презумпции невиновности Г-ш. Учитывая, что в силу п. 4 ст. 23, п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в квалификационной комиссии и в совете осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, изменение предмета и (или) основания жалобы не допускается, дисциплинарное производство было обоснованно рассмотрено Квалификационной комиссией в пределах дисциплинарных обвинений, приведенных в жалобе заявителя Г-ш. от 02 июня 2023 года (вх. № ... от 14 сентября 2023 года).

Давая оценку дисциплинарным обвинениям во вступлении в защиту в обход положений ч. 4 ст. 50 УПК РФ и в использовании связей с работниками правоохранительных органов при вступлении в уголовное дело в качестве защитника, Совет отмечает, что согласно п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда. В силу ч. 2 ст. 50 УПК РФ «по просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается

дознавателем, следователем или судом», а согласно ч. 4 ст. 50 УПК РФ, «если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им, невозможна, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов».

В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

Согласно пп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением совета Федеральной палаты адвокатов и принимаемыми в соответствии с ним решениями советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, пп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации своим Решением от 15 марта 2019 года (протокол № 4) утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, абз. 2 п. 4.1 которого установлено, что о принятом решении о назначении защитника, в порядке предусмотренном ст. 50 УПК РФ, дознаватель, следователь или суд уведомляют адвокатскую палату (представителей адвокатской палаты) с целью назначения в качестве защитника по уголовному делу того адвоката, которому адвокатская палата (представители адвокатской палаты) поручит участие в данном уголовном деле. Абзацем 2 п. 2.1 Порядка также установлено, что советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подпунктом 5 пункта 3 статьи 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают Региональные правила с учетом региональных особенностей (*Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2019. Выпуск № 2 (65). С. 160-172*).

В городе Москве порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда, по состоянию на 18 января 2022 года определен Правилами Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС

РФ (далее – Правила), утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 года № 176, согласованными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 24 сентября 2019 года и опубликованными в официальном печатном издании (*Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2019. Выпуск № 3 (146). С. 4-8*), а также на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы <<http://www.advokatymoscow.ru>> в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В соответствии с п. 3 указанных Правил «Обработка уведомлений дознавателей, следователей или судов (далее – инициаторов) о принятом решении о назначении адвокатов осуществляется Адвокатской палатой города Москвы (далее – Палатой) исключительно посредством Автоматизированной информационной системы Палаты (далее – АИС АПМ). Уведомления инициаторов (далее – уведомление) об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве в порядке, установленном статьями 50 и 51 УПК РФ, а также уведомления об обеспечении представителя в порядке, установленном статьей 50 ГПК РФ и статьей 54 КАС РФ, направленные в адвокатское образование или адвокату, исполнению не подлежат. Принятие и (или) осуществление адвокатом защиты или представительства по назначению, поступившему к нему не через АИС АПМ, а равно нарушение иных положений настоящих Правил являются дисциплинарными проступками и влекут за собой применение мер дисциплинарной ответственности».

Согласно абз. 1-4 п. 10 Правил «уведомления об участии адвоката в делах по назначению направляются инициатором в АИС АПМ путем заполнения соответствующей формы на сайте Палаты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу <51.advokatymoscow.ru> в соответствии с Инструкцией инициатора по работе в АИС АПМ. Уведомление может быть также направлено инициатором в АИС АПМ посредством телефонной связи с использованием многоканального телефона, указанного на сайте Палаты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В аналогичном порядке инициатор вправе получить оперативную информацию о текущем статусе исполнения соответствующего уведомления. Сведения, предоставленные инициатором в уведомлении, должны быть полными и достоверными. Недостоверность или отсутствие сведений о номере дела, данных о лице, нуждающемся в оказании юридической помощи, и иных сведений, необходимых для оценки наличия или отсутствия препятствий для принятия поручения, являются безусловным основанием для отказа адвоката от вступления в дело».

Согласно служебной записке руководителя IT отдела Адвокатской палаты города Москвы Богданова Д.М. от 16 октября 2023 года адвокат С. посредством АИС АПМ заявку на осуществление защиты Г-ш. в уголовном судопроизводстве не принимал.

Как указано выше, назначение адвоката С. в качестве защитника Г-ш. было осуществлено старшим следователем Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК

России по городу Москве Н. не в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, как это предписано ч. 4 ст. 50 УПК РФ, а путем вынесения 18 января 2022 года постановления о назначении адвоката С. в качестве защитника Г-ш. без размещения заявки в АИС АПМ в установленном порядке.

Таким образом, адвокат С. вступил в уголовное дело в качестве защитника Г-ш. в нарушение вышеуказанных взаимосвязанных предписаний Порядка и Правил. При этом адвокат С. был осведомлен о данном нарушении, а его действия по вступлению в уголовное дело в качестве защитника Г-ш. в обход вышеуказанных предписаний носили умышленный характер, более того, он предпринял действия, направленные на сокрытие данного обстоятельства (в терминологии адвоката С, «сымитировал» защиту по назначению), указав в ордере ложный номер заявки в АИС АПМ. Адвокату С. номер этой заявки был известен лишь в связи с тем, что по его адресу электронной почты было направлено автоматическое уведомление о ее формировании, которое он проигнорировал. Таким образом, адвокат С., указав в ордере заведомо недостоверные сведения об основаниях вступления в дело, не только принял поручение на осуществление защиты Г. в нарушение положений ч. 4 ст. 50 УПК РФ, Порядка и Правил, но и совершил действия, направленные на сокрытие этого обстоятельства от подзащитного Г. и иных участников уголовного судопроизводства.

В соответствии с пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами.

Как отмечено выше, назначение адвоката С. в качестве защитника Г-ш. было осуществлено следователем Н. не в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, как это предписано ч. 4 ст. 50 УПК РФ, а путем произвольного вынесения постановления о назначении адвоката С. защитником Г-ш. при описанных выше обстоятельствах. Таким образом, следователь Н. самостоятельно определила конкретного адвоката – С., назначаемого ею в качестве защитника подозреваемого Г-ш., что было бы заведомо невозможно в отсутствие связей адвоката С. с работниками Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве. Более того, как указано выше, адвокат С. указал в ордере номер заявки «АИС № ...», которая следователями Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве не размещалась, о чем они заведомо не могли не знать.

Совокупность описанных обстоятельств со всей очевидностью указывает на то, что адвокатом С. были установлены и использованы личные связи с работниками Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве, которые целенаправленно назначили его в качестве защитника Г.-ш. Ссылка адвоката С. на то, что он вступил в данное дело по просьбе Г-ш., случайно оказавшись в следственном отделе, Советом отклоняется как откровенно

надуманная, поскольку в случае реального поступления к нему подобной просьбы адвокат С. должен был заключить с подозреваемым соглашение и вступить в дело в качестве защитника по соглашению, указав в ордере именно это основание. Более того, заявитель Г-ш. указывает на совершенно иные обстоятельства вступления адвоката С. в свою защиту, и с учетом совокупности представленных участниками дисциплинарного производства доказательств, указывающих на факт фальсификации адвокатом С. оснований для принятия на себя защиты подозреваемого, Совет доверяет именно позиции заявителя.

Совет также отмечает, что каких-либо объяснений относительно вступления в уголовное дело в качестве защитника Г-ш. в обход положений ч. 4 ст. 50 УПК РФ адвокат С. вплоть до ознакомления с заключением Квалификационной комиссии не представлял, выработав указанную защитительную версию лишь после такого ознакомления. Таким образом, он действовал вопреки традициям российской (присяжной) адвокатуры, в развитие которых принят Кодекс профессиональной этики адвоката (абз. 1 преамбулы) и в соответствии с которыми «достоинство присяжного поверенного обязывает последнего немедленно по поступлении жалобы опровергнуть ее, во всяком случае представить сословному суду свои объяснения», тогда как небрежное его отношение к своим сословным обязанностям «не может не усугубить вины» (*Марков А.А. Правила адвокатской профессии в России: опыт систематизации постановлений советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики / Москва: Тип. О. Л. Сомовой. 1913. С. 44*).

Ранее, опровергая прочие дисциплинарные обвинения Г-ш., адвокат С. в своих письменных объяснениях указывал, что он предлагал Г-ш. заключить с ним соглашение об оказании юридической помощи, то есть, вступив в уголовное дело в качестве защитника Г-ш. в обход положений ч. 4 ст. 50 УПК РФ и способом, который был бы невозможен без использования им своих личных связей с работниками правоохранительных органов, он затем попытался привлечь Г-ш. в качестве доверителя путем заключения с ним соглашения об оказании юридической помощи.

Признание установленной совокупности описанных обстоятельств приводит Совет к выводу об умышленном нарушении адвокатом С. положений пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в привлечении Г-ш. в качестве доверителя и навязывании ему своей юридической помощи путем использования личных связей с работниками Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве.

При этом Совет отмечает, что вступление адвоката С. в уголовное дело в качестве защитника Г-ш. в отсутствие законных оснований и недостойным способом не освобождало его (адвоката С.) от исполнения обязанности соблюдения всех прочих профессионально-этических предписаний при дальнейшем участии в следственных и иных процессуальных действиях. Несоблюдение этих обязанностей, несомненно, могло существенным образом ухудшить положение Г-ш. и привести к нарушению его прав. В этой

связи дисциплинарные обвинения в принятии адвокатом С. поручения на защиту в условиях нарушения права Г-ш. на свободный выбор защитника и ненадлежащем оказании юридической помощи также подлежат оценке в ходе настоящего дисциплинарного производства.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в нарушении адвокатом С. права Г-ш. на свободный выбор защитника, выразившемся в участии 18 января 2022 года в следственных и иных процессуальных действиях по уголовному делу в качестве защитника Г-ш. до истечения 24 часов с момента задержания подозреваемого, Совет приходит к следующим выводам.

Согласно ч. 4 ст. 50 УПК РФ, если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им, невозможна, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов.

В этой связи на адвокатах, вступающих в уголовное дело в качестве защитников по назначению дознавателя или следователя, лежит обязанность по созданию условий для реализации этого требования уголовно-процессуального закона, поскольку оно является важной гарантией соблюдения права подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника. Данная обязанность также следует из положений ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым, участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в Разъяснениях по вопросам профессиональной этики адвоката от 24 сентября 2015 года № 9 «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению» указал: «...адвокат, назначенный защитником задержанного, подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, прибыв к дознавателю, следователю, обязан выяснить точное время фактического задержания, заключения под стражу, и после свидания с подозреваемым, обвиняемым наедине не принимать участия в каких-либо процессуальных действиях до истечения, предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часового срока для явки приглашенного защитника. Кроме случая, когда будет представлено не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, в тот же срок. Невыполнение данного разъяснения будет расцениваться как нарушение пп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за

соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав доверителя ходатайствовать об их устранении» (*Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2015. № 3 (129). С. 39-42*).

Между тем, как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, на момент вступления адвоката С. в защиту и его участия в следственных и процессуальных действиях указанный 24-часовой срок для явки приглашенного защитника не истек. Доказательств наличия не вызывающего сомнений в своей достоверности подтверждения невозможности явки в указанный срок адвоката, с которым заключено соглашение, в материалах дисциплинарного производства не содержится. Письменное заявление от имени Г-ш. на имя следователя с просьбой о назначении ему защитника и с указанием об отсутствии защитника по соглашению, а также заявление Г-ш. в протоколе допроса обвиняемого о том, что он желает, чтобы его защиту по назначению осуществлял адвокат С., подтверждением невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, не являются. При этом заявитель Г-ш. в своей жалобе настаивает, что желал связаться со своими родственниками для приглашения ими защитника. Уже на следующий день после задержания Г-ш. в уголовное дело вступил защитник по соглашению – адвокат М., который 20 января 2022 года принял участие в рассмотрении Г. районным судом города Москвы ходатайства следователя об избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу.

Письменное заявление Г-ш., в котором он просит предоставить ему защитника в порядке ст. 50, 51 УПК РФ, составлено до вынесения следователем постановления о назначении защитника от 18 января 2022 года, а следовательно, и до того момента, как адвокат С. вступил в уголовное дело и получил возможность исполнить обязанность по самостоятельному разъяснению Г. права на приглашение защитника, предусмотренную пп. «в» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (Принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года) (*Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 2 (57). С. 140-142*).

Заявление Г. о том, что он не имеет защитников по соглашению и желает, чтобы его защиту осуществлял адвокат С., отраженное в протоколе допроса обвиняемого, также не содержит ссылку на невозможность приглашения защитника по соглашению и его явки в течение 24 часов с момента фактического содержания. Кроме того, Совет учитывает, что согласно заявлению Г-ш. в протоколе допроса подозреваемого от 18 января 2022 года последний давал свои показания недобровольно. С учетом такой ясно выраженной позиции подзащитного у адвоката С. как профессионального советника по правовым вопросам не могли возникнуть обоснованные сомнения в добровольности и достоверности волеизъявления Г-ш., выраженного в иных подписанных им документах, в том числе – в заявлении о предоставлении ему защитника по назначению.

Совокупность описанных обстоятельств вне разумных сомнений свидетельствует о том, что адвокат С., вопреки вышеуказанным обязательным требованиям, не располагал не вызывающим сомнений в своей достоверности подтверждением невозможности явки в течение 24 часов с момента фактического задержания Г-ш. адвоката, с которым заключено соглашение на защиту, однако принял участие в следственных и иных процессуальных действиях в качестве назначенного защитника. Сам адвокат С. в своих объяснениях не ссылается на результаты конфиденциальной беседы с Г., в ходе которой тот выразил бы однозначное мнение о невозможности приглашения им или его родственниками защитника по соглашению, а в свое оправдание ссылается лишь на заявления, адресованные не ему, а должностным лицам следственного органа, и поданные не в то время, когда адвокат С. обязан был лично проверить все обстоятельства, связанные с обеспечением реализации права Г. на свободный выбор защитника.

С учетом уже установленных фактов вступления адвоката С. в уголовное дело в обход положений ч. 4 ст. 50 УПК РФ, а также совершения им действий по сокрытию этого обстоятельства путем внесения в ордер заведомо ложных сведений об основании вступления в дело, а также с учетом длительного периода его участия в системе АИС АПМ и многократного принятия им других заявок на защиту по назначению, Совет приходит к выводу о том, что адвокат С. был достоверно осведомлен о порядке и условиях вступления в уголовное дело по назначению, однако умышленно проигнорировал эти требования и принял меры к сокрытию совершенных нарушений. Все это указывает на согласованный и скоординированный характер действий адвоката С. и сотрудников правоохранительных органов, направленных на обеспечение участия удобного им адвоката С. в первоначальных следственных и иных процессуальных действиях в качестве защитника Г-ш. с целью оказания органу предварительного следствия содействия в получении первичных признательных показаний Г-ш. по обстоятельствам совершения им инкриминируемых деяний.

Совет также принимает во внимание, что адвокат С. был осведомлен о том, что его подзащитный Г-ш. на момент производства следственных и иных процессуальных действий 18 января 2022 года не совершил телефонный разговор с близким родственником или иным лицом о своем задержании и месте нахождения. Вне зависимости от того, был ли отказ Г-ш. от этого телефонного звонка добровольным, дезориентация и стрессовое состояние, вызванные его фактическим задержанием и отображением его мобильного телефона следователем, равно как и очевидное для адвоката С. неисполнение следователем порядка назначения защитника, давали безусловные основания для сомнения в том, что волеизъявление Г-ш. как на обеспечение его защитником по назначению, так и на осуществление его защиты адвокатом С. являлось свободным. В этих условиях адвокат С. был не вправе ограничиться наличием заявлений Г-ш., обращенных не к нему, а к

следователю и сделанных вне конфиденциального общения адвоката с доверителем.

При этом из положений ч. 1 ст. 50 УПК РФ следует, что защитник приглашается не только подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, но и другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Именно с учетом этих положений в Разъяснениях Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката № 9 от 24 сентября 2015 года «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению» отмечается: «сам подозреваемый не знает, кто будет приглашать адвоката – заключать соглашение на защиту в соответствии с частью 1 статьи 50 УПК может любое лицо». Учитывая вышеуказанные обстоятельства, а также установленный факт недобросовестного и скоординированного со следователем поведения адвоката С., Совет признает, что не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, в 24-часовой срок с момента фактического задержания подозреваемого, адвокатом С. получено не было.

При таких обстоятельствах, даже если бы адвокат С. принял поручение на осуществление защиты Г-ш. по назначению следователя посредством АИС АПМ в установленном порядке, единственным процессуальным действием, в котором он был бы вправе принять участие 18 января 2022 года, то есть до истечения 24 часов с момента фактического задержания Г-ш., являлось составление протокола задержания подозреваемого Г-ш. Однако адвокат С. вышеуказанные профессионально-этические предписания умышленно проигнорировал, приняв 18 января 2022 года в качестве защитника Г-ш. по назначению следователя участие в следующих следственных и иных процессуальных действиях по уголовному делу: допросе Г-ш. в качестве подозреваемого, предъявлении ему обвинения и допросе Г-ш. в качестве обвиняемого.

При этом, как указано выше, на уведомлении Г-ш. и его защитника адвоката С. от 18 января 2022 года о дне предъявления Г-ш. обвинения, составленном следователем Н., не имеется каких-либо расписок об ознакомлении с ним. В то же время, на постановлении от 18 января 2022 года о возбуждении уголовного дела № ... имеется расписка адвоката С. от 18 января 2022 года об ознакомлении с указанным постановлением, а к постановлению от 18 января 2022 года о производстве предварительного следствия следственной группой приложена расписка от 18 января 2022 года о его объявлении Г-ш. Следовательно, 18 января 2022 года при предъявлении адвокату С. и Г-ш. процессуальных документов соответствующие расписки об ознакомлении с ними составлялись. Таким образом, отсутствие каких-либо расписок, подтверждающих ознакомление Г-ш. и его защитника – адвоката С. с уведомлением о дне предъявления Г-ш. обвинения от 18 января 2022 года, подтверждает позицию заявителя Г-ш. о том, что ни он, ни его защитник – адвокат С. надлежащим образом о дне предъявления обвинения

не извещались. Более того, даже в том случае, если бы такое уведомление действительно было им вручено, оно не могло бы рассматриваться как своевременное, поскольку согласно ч. 2 ст. 172 УПК РФ следователь извещает обвиняемого о дне предъявления обвинения и одновременно разъясняет ему право самостоятельно пригласить защитника либо ходатайствовать об обеспечении участия защитника следователем в порядке, установленном ст. 50 УПК РФ. Таким образом, указанные положения предполагают создание условий для явки защитника, приглашенного подозреваемым (обвиняемым) или иными лицами по его поручению или с его согласия, и отводят на реализацию данного права пять суток.

В соответствии с пп. «в» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, содержащего минимальные требования к профессиональной деятельности адвоката, осуществляющего защиту по уголовному делу, адвокат, осуществляющий защиту по назначению, должен разъяснить обвиняемому право на приглашение защитника по соглашению. Пункт 8 Стандарта предписывает, что в процессе осуществления защиты адвокат: консультирует подзащитного и разъясняет ему процессуальные права и обязанности, применяемые по делу нормы материального и процессуального права; оказывает подзащитному помощь в ознакомлении с материалами дела, в написании ходатайств, жалоб и иных процессуальных документов или готовит их самостоятельно; использует иные средства и способы защиты, не запрещенные законодательством. Согласно п. 9 Стандарта адвокат по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного (*Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 2 (57). С. 140-142*).

Руководствуясь этими обязательными требованиями, адвокат С. был обязан самостоятельно разъяснить подзащитному Г-ш. положения ст. 50 и 172 УПК РФ о порядке предъявления обвинения, в том числе о праве Г-ш. в связи с таким извещением пригласить защитника или заявить ходатайство о его назначении, причем не в обход положений ч. 4 ст. 50 УПК РФ, как был назначен в качестве защитника сам адвокат С., а в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. С учетом неистечения 24 часов с момента фактического задержания Г-ш. в совокупности с отсутствием не вызывающего сомнений в своей достоверности подтверждения невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, а также отсутствием законных оснований для собственного участия в следственных и иных процессуальных действиях в качестве защитника Г-ш., адвокат С. был обязан ходатайствовать об отложении предъявления обвинения до момента истечения срока явки приглашенного защитника, оказать Г-ш. юридическую помощь в подготовке и заявлении аналогичного ходатайства, а в случае

отказа следователя в его удовлетворении – покинуть место производства процессуальных действий и обжаловать решение следователя.

Однако адвокатом С. эти требования также были проигнорированы и не были приняты необходимые меры, направленные на реализацию права его подзащитного Г-ш. на свободный выбор защитника. Это обстоятельство само по себе исключало возможность дальнейшего участия адвоката С. в следственных и иных процессуальных действиях в качестве защитника Г-ш.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями № 9 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 24 сентября 2015 года «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению», и п.п. 4, 8, 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, исполнении адвокатом С. профессиональных обязанностей перед доверителем Г-ш., выразившемся в участии, в условиях нарушения права Г-ш. на свободный выбор защитника (до истечения 24-часового срока с момента фактического задержания Г-ш., а также без исполнения требований ст. 172 УПК РФ) и в целях оказания органу предварительного следствия содействия в получении первичных показаний Г-ш. по обстоятельствам совершения им инкриминируемых деяний, с 21 часа 07 минут по 23 часа 30 минут 18 января 2022 года в качестве защитника Г-ш. по назначению в проведении следующих следственных и иных процессуальных действий: допросе Г-ш. в качестве подозреваемого 18 января 2022 года, предъявлении Г-ш. обвинения 18 января 2022 года, допросе Г-ш. в качестве обвиняемого 18 января 2022 года.

Переходя к рассмотрению группы дисциплинарных обвинений в ненадлежащем оказании адвокатом С. квалифицированной юридической помощи подзащитному Г-ше., Совет отмечает, что положения о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом своих обязанностей, активном отстаивании и защите прав, свобод и законных интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката) применительно к участию в качестве защитника в уголовном судопроизводстве означают активную с момента вступления в дело реализацию адвокатом полномочий защитника, предусмотренных ст. 53 УПК РФ, в частности, на свидания с подозреваемым, обвиняемым, на ознакомление с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, на ознакомление с иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому,

обвиняемому, на заявление ходатайств, на принесение жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя.

Согласно ч. 2 ст. 53 УПК РФ, защитник, участвующий в производстве следственного действия, в рамках оказания юридической помощи своему подзащитному вправе давать ему в присутствии следователя, дознавателя краткие консультации, задавать с разрешения следователя, дознавателя вопросы допрашиваемым лицам, делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе данного следственного действия. Следователь или дознаватель может отвести вопросы защитника, но обязан занести отведенные вопросы в протокол.

Согласно вышеприведенным предписаниям п. 8 и 9 Стандарта, адвокат оказывает подзащитному помощь в ознакомлении с материалами дела, в написании ходатайств, жалоб и иных процессуальных документов или готовит их самостоятельно, а также по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, равно как и другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного. Кроме того, в соответствии с п. 10 Стандарта, «...защитник должен знакомиться с протоколами процессуальных действий, проводимых с его участием, на всех стадиях уголовного процесса и при необходимости приносить на них замечания».

Как указано выше, из протокола допроса подозреваемого Г. от 18 января 2022 года следует, что на вопрос следователя: «В ходе настоящего допроса показания даете добровольно?», Г-ш. ответил: «Нет». При этом каких-либо заявлений или замечаний в связи с этим адвокат С. ни при составлении указанного протокола допроса, ни в дальнейшем не сделал. В своих объяснениях адвокат С. настаивал на том, что Г-ш. с его участием давал показания добровольно и без принуждения, ссылаясь при этом на содержание видеозаписей, которые, по его утверждениям, производились, а в заявлении об отношении к заключению Квалификационной комиссии выдвинул версию о «технической ошибке» следователя, неправильно записавшего ответ Г-ш.

Совет отклоняет эти доводы адвоката С. как несостоятельные. Хотя в протоколе допроса подозреваемого Г-ш. содержится указание на применение при его производстве видеокамеры, видеозапись указанного следственного действия в материалах дисциплинарного производства отсутствует. При этом представитель заявителя Г-ш. адвокат К. указала, что видеозаписи следственных действий, произведенных с участием Г-ш. и адвоката С., в материалах уголовного дела отсутствуют. Данные объяснения подтверждаются светокопиями описей трех томов уголовного дела в отношении Г-ш., из которых наличие в материалах уголовного дела конвертов с электронными носителями информации не усматривается. На отсутствие соответствующих видеозаписей следственных действий указывает и содержание ответа судьи Г. районного суда города Москвы Л. на запрос Адвокатской палаты города Москвы (вх. № ... от 18 октября 2023

года), поскольку в нем упомянута лишь видеозапись опроса Г-ш., состоявшегося до возбуждения уголовного дела, которая также не была судом предоставлена в материалы дисциплинарного производства.

Между тем, вне зависимости от того, какую фактически позицию Г-ш. высказал относительно добровольности дачи им показаний в качестве подозреваемого, по смыслу положений п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат С. как профессиональный участник судопроизводства был обязан следить за достоверностью отражаемой в протоколе допроса информации. При этом, уже в силу факта отражения в протоколе допроса соответствующего заявления подозреваемого Г-ш., адвокат С. был обязан предпринять активные меры к защите прав своего подзащитного (разъяснение доверителю Г-ш. предусмотренного п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ права отказаться от дачи показаний, уточнение его волеизъявления относительно дачи показаний, согласование с ним вопроса о необходимости и целесообразности внесения в протокол допроса письменных замечаний по поводу правильности и полноты записи о том, что Г-ш. дает свои показания недобровольно). Поскольку доказательств совершения адвокатом С. таких действий в материалах дисциплинарного производства не содержится, а протокол допроса подозреваемого Г-ш. не содержит каких-либо замечаний или заявлений адвоката С., Совет приходит к выводу о неисполнении последним вышеуказанных профессиональных обязанностей перед доверителем.

Аналогичной оценки заслуживает и игнорирование адвокатом С. заявления Г-ш. в протоколе его задержания о несогласии с этим действием. Несмотря на то, что из содержания данного заявления невозможно установить причины и правовые основания несогласия Г-ш. с задержанием, адвокат С. каких-либо заявлений при составлении протокола задержания подозреваемого Г-ш. от 18 января 2022 года не сделал, не помог подозреваемому облечь его возражения против задержания в форму мотивированного заявления, жалобы или ходатайства с тем, чтобы они могли быть надлежащим образом рассмотрены и оценены при производстве по уголовному делу, а также не обжаловал задержание Г-ш. в установленном законом порядке.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о неисполнении, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 8, 9, 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, адвокатом С. профессиональных обязанностей перед доверителем Г-ш., выразившемся в том, что вступив в качестве защитника Г-ш. в уголовное дело, он:

не принял меры к защите прав Г-ш. в связи с внесением в протокол допроса подозреваемого Г-ш. от 18 января 2022 года заявления Г-ш. о том, что свои показания он дает недобровольно (разъяснение доверителю Г-ш.

предусмотренного п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ права отказаться от дачи показаний, уточнение его волеизъявления на дачу показаний, согласование с ним вопроса о необходимости и целесообразности внесения в протокол допроса подозреваемого Г-ш. от 18 января 2022 года письменных замечаний по поводу правильности и полноты записи о том, что Г-ш. дает свои показания недобровольно);

не отреагировал на заявление Г-ш. о его несогласии с задержанием, занесенное в протокол задержания подозреваемого Г-ш. от 18 января 2022 года (не сделал каких-либо письменных заявлений при составлении протокола задержания подозреваемого Г-ш. от 18 января 2022 года, не помог Г-ш. облечь его возражения против задержания в форму мотивированных заявления, жалобы или ходатайства с тем, чтобы они могли быть надлежащим образом рассмотрены и оценены при производстве по уголовному делу, а также не обжаловал задержание Г-ш. в установленном законом порядке).

Совет признает презумпцию добросовестности адвоката С. опровергнутой в отношении всех перечисленных выше дисциплинарных обвинений.

В отношении прочих выдвинутых в жалобе Г-ш. дисциплинарных обвинений Совет отмечает, что заявителем не представлено достаточных доказательств как применения к нему сотрудниками правоохранительных органов физического и психологического насилия, так и сообщения им о данных фактах адвокату С. Последний, в свою очередь, представил в материалы дисциплинарного производства постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 08 августа 2023 года, из которого следует, что объективных данных, свидетельствующих о каких-либо действиях, составляющих объективную сторону состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, в ходе проверки не получено. Ссылки представителя заявителя Г-ш. – адвоката К на неполноту и низкое качество проведенной процессуальной проверки не дают оснований для вывода о дисциплинарном проступке адвоката С., поскольку доказательств осведомленности последнего о предполагаемой противоправной деятельности сотрудников правоохранительных органов и его бездействии в связи с этим материалы дисциплинарного производства не содержат. Оценка же правомерности действий сотрудников правоохранительных органов в отношении Г-ш. в компетенцию Совета не входит.

Рассматривая довод заявителя Г-ш. о том, что адвокат С. «не проконсультировал Г-ш. и не согласовал с ним позицию по делу», Совет отмечает его неконкретность. В жалобе заявителя Г-ш. не указано, в чем именно применительно к вышеприведенному доводу выражалось расхождение позиций адвоката С. и Г-ш. по делу, равно как и то, консультации по каким именно вопросам ему требовались (помимо нарушения его права на свободный выбор защитника, а также бездействия адвоката С. в связи с отраженными в протоколах следственных и процессуальных действий заявлениями Г-ш. о недобровольности его

показаний и несогласии с задержанием, чему уже дана оценка выше). Учитывая изложенное, Совет не усматривает оснований для вывода о самостоятельном дисциплинарном проступке адвоката С. применительно к дисциплинарному обвинению в том, что он «не проконсультировал Г-ш. и не согласовал с ним позицию по делу».

Совет также отмечает, что протоколы допросов Г-ш. в качестве подозреваемого и обвиняемого не содержат сведений о присутствии при производстве следственных и процессуальных действий оперативных сотрудников полиции, предположительно оказывавших на Г-ш. физическое и психологическое давление. Поскольку доводы Г-ш. о присутствии указанных лиц при его допросах 18 января 2022 года доказательствами не подтверждены, а адвокат С. названные обстоятельства отрицает, Совет не находит оснований для вывода о том, что в протоколах соответствующих следственных действий присутствие этих лиц не было отражено, а адвокат С. на это не отреагировал.

Использование технических средств для частичного переноса показаний Г-ш. из протокола его допроса в качестве подозреваемого в протокол его допроса в качестве обвиняемого само по себе не свидетельствует ни о том, что допрос Г-ш. в качестве обвиняемого фактически не проводился, ни о том, что Г-ш. против этого возражал, в том числе настаивая на внесении в протокол иных своих показаний. Какие-либо замечания или заявления Г-ш. по данному факту в протоколе его допроса в качестве обвиняемого не отражены. Доказательств того, что допросы Г-ш. в качестве подозреваемого и в качестве обвиняемого в действительности не производились, в материалах дисциплинарного производства не содержится. При таких обстоятельствах Совет признает данное дисциплинарное обвинение недоказанным.

Рассматривая довод заявителя о бездействии адвоката С. в связи с предъявлением Г-ш. обвинения и его допросом в качестве обвиняемого в ночное время, Совет отмечает, что законность и обоснованность процессуального решения следователя о производстве следственного действия в ночное время подлежит проверке в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. К компетенции Совета такая оценка не относится. В то же время, из протокола допроса обвиняемого Г-ш. от 18 января 2022 года следует, что он не возражал против его проведения в ночное время. Кроме того, адвокатом С. в материалы дисциплинарного производства представлено письменное заявление Г-ш. об отсутствии его возражений против проведения следственного действия в ночное время. Доказательств того, что эта позиция Г-ш. не соответствовала его действительному волеизъявлению в момент производства соответствующих процессуальных действий, в материалах дисциплинарного производства не содержится. При таких обстоятельствах Совет не может признать доказанным дисциплинарное обвинение в том, что адвокат С. никак не отреагировал на производство процессуальных действий с Г-ш. в ночное время.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в ограничении возможности Г-ш. реализовать предусмотренное ч. 1 ст. 96 УПК РФ право задержанного подозреваемого на один телефонный разговор на русском языке в присутствии следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения. По смыслу ст. 96 УПК РФ, обязанность по реализации указанного права возложена на следователя (дознателя). Из протокола задержания подозреваемого Г-ш. от 18 января 2022 года следует, что ему разъяснено право на телефонный звонок, и он от телефонного звонка отказался. Доводы заявителя Г-ш. о том, что адвокат С. совершал действия, направленные на воспрепятствование реализации им данного права, доказательствами не подтверждены, при этом адвокат С. данное дисциплинарное обвинение отрицает.

Не представлено заявителем Г-ш. и каких-либо доказательств навязывания ему адвокатом С. неправового содействия в «решении вопроса» о помещении Г-ш. в «нормальные условия в следственном изоляторе, без оказания давления» и чтобы «с ним ничего не случилось», за вознаграждение в размере 120 000 рублей, равно как и последующего обращения адвоката С. к родственникам Г-ш. с требованием оплатить ему «для начала 600 000 рублей» за защиту Г-ш. Адвокат С. в своих письменных объяснениях признал лишь то, что указал Г-ш. на возможность заключения с ним соглашения об оказании юридической помощи на осуществление его защиты в уголовном судопроизводстве при наличии у Г-ш. соответствующего волеизъявления, отметив, что передачи каких-либо денежных средств не требовал. При таких обстоятельствах Совет не находит оснований для вывода о навязывании адвокатом С. вышеуказанного неправового содействия, а также о его обращении к родственникам Г-ш. с требованием о выплате ему за оказание юридической помощи Г-ш. вознаграждения в размере 600 000 рублей. При этом оценка предложению адвоката С. заключить с Г-ш. соглашение об оказании юридической помощи применительно к нарушению адвокатом С. положений пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката Советом уже дана выше.

Давая оценку дисциплинарному обвинению в том, что адвокат С. после 18 января 2022 года самоустранился от оказания юридической помощи Г-ш., Совет отмечает, что, как указано выше, с 20 января 2022 года защиту Г-ш. осуществлял защитник по соглашению – адвокат М. В этой связи адвокат С. в силу Разъяснений № 11 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 18 января 2016 года был обязан устраниваться от осуществления защиты Г-ш. во избежание недопустимого дублирования функций защиты. По этой причине неоказание адвокатом С. какой-либо юридической помощи Г-ш. после 18 января 2022 года дисциплинарного проступка не образует.

Приведенные в жалобе Г-ш. доводы о содействии адвоката С. предполагаемым противоправным действиям следователей Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве, направленным на незаконное

привлечение Г-ш. к уголовной ответственности, не могут быть рассмотрены по существу в настоящем дисциплинарном производстве, поскольку, по существу, являются утверждениями о соучастии адвоката С. в уголовно наказуемых действиях. Согласно Разъяснениям Комиссии Федеральной палаты адвокатов РФ по этике и стандартам по вопросам применения п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов РФ 28 января 2016 года (Протокол № 3) и опубликованным на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (<http://www.fparf.ru>), компетенция квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации включает установление в действиях (бездействии) адвоката только признаков дисциплинарного проступка и применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно-наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков уголовно-наказуемого деяния может быть решен только в порядке уголовного судопроизводства, определенном УПК РФ. По этой причине настоящее дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Давая оценку доводам адвоката С. о том, что он был лишен возможности личного участия в заседании Квалификационной комиссии 08 ноября 2023 года по причине болезни, а потому данное заседание проведено с нарушением его прав, Совет отмечает, что в силу п. 3 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не является основанием для отложения разбирательства. В этом случае Квалификационная комиссия рассматривает дело по существу по имеющимся материалам. Адвокат С. надлежащим образом извещался о дате, времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства в Квалификационной комиссии, однако не явился в ее заседания 18 октября 2023 года и 08 ноября 2023 года. При этом адвокатом С. в материалы дисциплинарного производства были представлены письменные объяснения, которым в заключении Квалификационной комиссии дана мотивированная оценка. Более того, 18 октября 2023 года Квалификационной комиссией завершение рассмотрение дисциплинарного производства было признано преждевременным для предоставления адвокату С. возможности дать дополнительные объяснения, а также лично участвовать в заседании Комиссии. При таких обстоятельствах Квалификационная комиссия обоснованно не нашла оснований для отложения 08 ноября 2023 года дисциплинарного разбирательства в связи с повторной неявкой адвоката С. как по причине его надлежащего извещения о дате и времени заседания, так и в связи с отсутствием данных о об отсутствии у него возможности участия в заседании посредством видео-конференц-связи. Оснований для

истребования в Г. районном суде города Москвы копии видеозаписи опроса Г-ш., о чем ходатайствовал адвокат С., Квалификационная комиссия обоснованно не усмотрела, поскольку данная видеозапись не имеет значения для оценки действий адвоката С., который участия в этом опросе не принимал. Таким образом, каких-либо нарушений требований ст. 19, 23 Кодекса профессиональной этики при разбирательстве настоящего дисциплинарного производства в Квалификационной комиссии Совет, вопреки доводам адвоката С., не усматривает.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката С. за допущенные нарушения, Совет учитывает их грубый, умышленный и злостный характер, свидетельствующий о демонстративном игнорировании адвокатом основополагающих требований законодательства и профессиональной этики, а также сопряженный с использованием личных связей с работниками правоохранительных органов и с принятием мер по сокрытию совершаемых нарушений. Совет также учитывает причиненный тяжким дисциплинарным проступком адвоката существенный вред правам и интересам доверителя адвоката С. – Г-ш., который в условиях задержания был лишен необходимой ему квалифицированной юридической помощи. Совокупность этих обстоятельств убедительно показывает, что адвокат С. не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами, а при осуществлении профессиональной деятельности преследует ненадлежащие цели, не соответствующие предназначению адвоката.

При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката С. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет не усматривает оснований для применения к адвокату С. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку это не соответствовало бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также могло бы дать основание полагать, что подобное профессиональное поведение совместимо со статусом адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем; нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем

исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого С. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности С., считает необходимым установить этот срок в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, подп. 3 п. 6 ст. 18, подп. 1, 2 п. 1 и п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат обязан соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции; адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением совета Федеральной палаты адвокатов и принимаемыми в соответствии с ним решениями советов адвокатских палат субъектов Российской Федерации; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции), профессиональных обязанностей перед доверителем Г-ш., выразившееся в осуществлении защиты Г-ш. 18 января 2022 года в ходе следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу № .., находящемуся в производстве следственной группы Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве (составление протокола задержания подозреваемого Г-ш. от 18 января 2022 года, допрос Г-ш. в качестве подозреваемого 18 января 2022 года, предъявление Г-ш. обвинения 18 января 2022 года, допрос Г-ш. в качестве обвиняемого 18 января 2022 года), в условиях вступления в указанное уголовное дело в обход положений ч. 4 ст. 50 УПК РФ, обязывающих следователя принимать меры по назначению защитника исключительно в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов, в нарушение установленного Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской

Федерации от 15 марта 2019 года (протокол № 4), и в нарушение п. 3 Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 года № 176;

нарушение положений пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами), выразившееся в привлечении Г-ш. в качестве доверителя 18 января 2022 года и навязывании ему своей юридической помощи в уголовном судопроизводстве по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве следственной группы Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве, через использование своих личных связей с работниками Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве;

ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве ... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства ..., следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с Разъяснениями № 9 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 24 сентября 2015 года «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению», утвержденными Советом 24 сентября 2015 года, и п. 4, 8, 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Г-ш., выразившееся в принятии им в период времени с 21 часа 07 минут по 23 часа 30 минут 18 января 2022 года, в условиях нарушения права Г-ш. на свободный выбор защитника (до истечения 24-часового срока с момента фактического задержания Г-ш., а также без исполнения требований ст. 172 УПК РФ) и в целях оказания органу предварительного следствия содействия в получении первичных показаний Г-ш. по обстоятельствам совершения им

инкриминируемых деяний, участия в качестве защитника по назначению по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве следственной группы Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве, в проведении следующих следственных и иных процессуальных действий: допрос Г-ш. в качестве подозреваемого 18 января 2022 года, предъявление Г-ш. обвинения 18 января 2022 года, допрос Г-ш. в качестве обвиняемого 18 января 2022 года;

неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве ... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства ..., следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с п. 8, 9, 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, профессиональных обязанностей перед доверителем Г-ш., выразившееся в том, что вступив в качестве защитника Г-ш. в уголовное дело № ..., находящееся в производстве следственной группы Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве, он:

- не принял мер к защите прав Г-ш. в связи с внесением в протокол допроса подозреваемого Г-ш. от 18 января 2022 года заявления Г-ш. о том, что свои показания он дает недобровольно (разъяснение доверителю Г-ш. предусмотренного п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ права отказаться от дачи показаний, уточнение его волеизъявления на дачу показаний, согласование с ним вопроса о необходимости и целесообразности внесения в протокол допроса подозреваемого Г-ш. от 18 января 2022 года письменных замечаний по поводу правильности и полноты записи о том, что Г-ш. дает свои показания недобровольно);

- не отреагировал на заявление Г-ш. о его несогласии с задержанием, занесенное в протокол задержания подозреваемого Г-ш. от 18 января 2022 года (не сделал каких-либо письменных заявлений при составлении протокола задержания подозреваемого Г-ш. от 18 января 2022 года, не помог Г-ш. облечь его возражения против задержания в форму мотивированных заявления, жалобы или ходатайства с тем, чтобы они могли быть надлежащим образом рассмотрены и оценены при производстве по уголовному делу, а также не обжаловал задержание Г-ш. в установленном законом порядке).

Установить срок, по истечении которого С. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Г-ш. от 02 июня 2023 года (вх. № ... от 14 сентября 2023 года) в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы):

в части доводов Г-ш. о содействии адвоката С. предполагаемым противоправным действиям следователей Г. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве, направленным на незаконное привлечение Г-ш. к уголовной ответственности, – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката С. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков